

A close-up portrait of a woman with voluminous, wavy reddish-brown hair. She is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a colorful, patterned scarf with geometric designs in blue, yellow, and red. In the upper left corner, there is a white rounded rectangle containing the text '18+'. To the left of the woman's face, there are clusters of pink cherry blossoms. The background is slightly out of focus, showing what appears to be a wooden structure and green foliage.

18+

ДВА ВИКТОРА

*и несколько рассказов,
написанных в разные годы*

Виолетта Лосева

Виолетта Лосева
Два Виктора и несколько
рассказов, написанных
в разные годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57393437
ISBN 9785005130648

Аннотация

В сборник вошли повести и рассказы Виолетты Лосевой: «Два Виктора и половинка Антуанетты», «Ты ни в чем не виноват», «С этими мальчиками столько хлопот!...», «В ожидании жизни...», «Они жили вдвоем», «На белом коне», «День счастья», «Роза и Лилия». Некоторые из этих произведений уже были опубликованы отдельной книгой или включены в сборник, например «Меня зовут Жаклин».

Содержание

Предисловие	6
Два Виктора и половинка Антуанетты.	7
Не совсем театральный роман	
Глава 1. Вполне приличное местечко или Зачем появились два Виктора	7
Глава 2. О чем думает Зи Гранкина или «С праздником, дорогая...»	20
Глава 3. Амплуа Антуанетты или Картинка счастья из третьего акта	32
Глава 4. Свежий супчик Марфы или Важный разговор со старой шалью	42
Глава 5. Несчастливая любовь Лилу или «Можно просто сказать, Анна...»	55
Глава 6. О чем шептались правила приличия или Почему второе «Я» вздыхало тяжело	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Два Виктора и несколько рассказов, написанных в разные годы

Виолетта Лосева

© Виолетта Лосева, 2020

ISBN 978-5-0051-3064-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
В сборник вошли повести и рассказы Виолетты Лосевой

Повесть «Два Виктора и половинка Антуанетты.
Не совсем театральный роман»

Рассказы

«Ты ни в чем не виноват»

«С этими мальчиками столько хлопот!...»

«В ожидании жизни...»

«Они жили вдвоем»

«На белом коне»

«День счастья»

«Низкая» важность»

«Глупый вечер...»

«Роза и Лилия»

Предисловие

Некоторые друзья называют эту повесть странной. Возможно, она такая и есть. Это не делает ее менее дорогой для меня. Особенно сейчас, в тот период жизни, когда я больше пишу о защите персональных данных.

Один из читателей сказал: «Слушай, со Вселенной нужно быть поаккуратнее».

Я не буду менять конец повести, но хочу подчеркнуть: уж чего я точно не хотела, так это – задеть те силы, которые помогают нам жить. Я искренне верю в них.

Рассказы, которые вошли в этот сборник, написаны в разные годы. Когда я листаю их, мне кажется, что я смотрю в зеркало, где вижу свое отражение в прошлом. Я меняюсь, а они остаются.

Ну что ж...

Два Виктора и половинка Антуанетты. Не совсем театральный роман

Глава 1. Вполне приличное местечко или Зачем появились два Виктора

Уличные страсти и театральный быт прекрасно уживались под одной крышей...

«К сожалению, этим начинается и заканчивается то, что прекрасно уживается здесь», – подумала крыша...

– Этого не может быть! Так не бывает! – шепнула девушка своему спутнику в третьем ряду зрительного зала.

– Не может быть! Не бывает!

– Не бывает!

Слова прошелестели по рядам, как тяжелый вздох.

Симпатичная мадам в ложе бенуар сделала губки бантиком и повернулась в профиль. Зачем? В театр она ходила со своей подружкой, которая уже тридцать лет назад подтвердила, что ее профиль – великолепен, а умение делать губки бантиком доведено до совершенства, но это не помог-

ло ни той, ни другой...

– Так не бывает, – вздохнула подружка и поправила очаровательный шарфик, которым она успешно прикрывала свою шейку. Шарфики играли в ее жизни немалую роль. Это была верная подружка, которая все еще могла себе позволить показывать зону декольте, но при этом нужно было, все-таки, носить легкий шарфик. Сами понимаете, зачем...

– Этого не может быть, что-то мы перемудрили, – подумал суфлер в будке, листая текст пьесы, который он знал наизусть уже несколько лет. Это был специалист своего дела: он не только подсказывал реплики актерам, но и делал правильные акценты. И не только актерам. И не только по тексту.

Главная героиня встретила глазами с молодым человеком, сидящем в первом ряду партнера и, буквально, забыла куда шла...

«И тут я забыла куда шла», – подумала главная героиня, потому что софиты мешали ей точнее рассмотреть глаза этого зрителя.

Кроме того, она знала, кто именно должен был сидеть на этом месте.

Глаза, вероятно, были зелеными...

Хотя... Что она могла рассмотреть со сцены?

Амплуа гуляло само по себе, зная, что в нужное время оно совершит посадку в нужном месте.

В театральном кафе солидные люди вели умные разгово-

ры, потому что днем они уже заглянули сюда на бизнес-ланч и подумали – «А ведь совсем неплохое местечко – посидеть, поговорить»

Зеркало в кафе прислушивалось к тому, что происходит за стенкой, в зрительном зале, и беззвучно вздыхало – увы, зрители театра и посетители театрального кафе уже много лет «не дотягивали»...

Парочка у стойки смотрела на портрет Станиславского, вряд ли узнавая его, и держалась за руки.

– Так не бывает, – сказала она.

Даже не сказала, а промолвила.

Хотя, нет... Если бы она промолвила, ему бы пришлось ей внимать, а он просто слушал. Причем, слушал достаточно рассеянно.

В воздухе летали впечатления.

Василий Иванович так внимательно следил за действием на сцене, что его гражданская жена (другими словами – любимая) поневоле подумала «Кажется ему пофиг моя прекрасность и загадочность. Хорошо, что у главной героини коротковаты ноги...»

Мама Василия Ивановича так любила цветы, что, давая имя сыночку, выбирала между именем Роман (чтобы был Ромашкой) или Василий (чтобы был Василек) ... А потом, когда он в детском саду спросил «А кто такой Чапаев? Надеюсь, это хороший человек?», – было уже поздно учитывать, что папу Василька звали Иваном...

Гражданская жена Василия Ивановича находила это очень милым. Она и его самого находила очень милым и, единственное, что ей не нравилось – это название роли, которую она играла в данный момент. Подруга, сожительница, да и «гражданская жена» – это было не о ней...

Слово «гражданский» у нее противопоставлялось слову «военный», так как она выросла в семье офицера, поэтому она писала роман под рабочим названием «Гражданский бракЪ» (именно так, с буквой «Ъ» на конце), но для себя предпочитала придумать другое название для своей роли.

Дело, впрочем, было не в названии, а в сути, но... поскольку действие происходило в зрительном зале, то название тоже имело значение...

Или играло роль...

Что, в большинстве случаев, одно и то же...

– Так не бывает! Этого не может быть! – мелькнуло в зеркале.

– Я чертовски хорошо выгляжу, – подумала Антуанетта, и это ее ощущение пошло по рядам, извиваясь и прикасаясь к незамысловатым нарядам зрителей.

Да, ушли безвозвратно времена боа и вечерних платьев с голыми плечами в театре.

Ушли безвозвратно.

– Так не бывает, – думало шикарное вечернее платье много лет назад. Но об этих мыслях догадывалось только зеркало в гардеробе, которому тоже пришлось немало повидать

на своем веку.

– Увы, так не бывает, – вздохнула генеральная репетиция. Она неплохо знала законы всех жанров и уже не могла полагаться только на судьбу.

– Любовь и ненависть – это бутафория, – глубокомысленно повторил на сцене лирик по сути, но герой-любовник по призванию, – Освободите сцену от бутафории – и ничего не останется.

– Так не бывает! Этого не может быть! – воскликнула в ответ его жена по ходу пьесы, сжимая в руках шелковый платок, который, кажется, был позаимствован у Дездемоны и пахивал чужими духами.

Воскликнула со слезами.

Слезы были настоящими.

– Что-то должно оставаться, – глубокомысленно заметила Нора, которая в данный момент прихорашивалась в гримерке, – Не может быть, чтобы чувства просто растворялись в космосе...

– Что-то должно оставаться, – промелькнула мысль в зеркале, ловя взгляд молодой дамы, которая шла по жизни с девизом «Все плохо», но очень хотела от этого избавиться, и именно для этого ходила в театр.

– Не может быть, чтобы все проходило бесследно, – ощутило впечатление в конце второго акта, – где-то во Вселенной должно быть место, где оседают эти пылинки... Иногда они кружатся в воздухе... Иногда прилетают сюда...

– Папа, это – Оля, – в антракте сын Василия Ивановича представил отцу свою подружку. И пояснил: – Моя любимая девушка...

Все мило заулыбались. А мальчик продолжал:

– Оля, это – мой папа. А это – Елена... Любимая девушка моего папы...

«Как просто и как безусловно, – подумала Елена, – Так вот же оно: любимая девушка моего папы... Это и есть я...»

– Пора, – подумал второй звонок и затрезвонил так, что все встрепенулись.

«Вместе хорошо, когда мурашки от одного и того же бегают» – эту мысль драматург повторил несколько раз, понимая, что если вкладывать ее в уста какого-нибудь персонажа, то нужно будет сделать так, чтобы она звучала поэтичнее.

Однако, бабочки в животе и тараканы, уже порядком надоели.

Тем более, главное здесь были не мурашки, а то, от чего они бегали.

– Это непредсказуемо, – запищали мурашки, – мы и сами иногда не знаем куда и от чего бежать.

– Так и должно быть, – мнение главного героя попыталось поставить точку в этой странной беседе.

Но...

– Так не бывает! – впечатление хорошо понимало, что оно накладывается на очень разные основы, и не отвечало за то, что получалось в результате. Главное было – остаться...

– А ведь нас не вписали в мизансцену, – возмутились мурашки, – Ну что ж, нам ничего не остается делать, кроме как бежать куда хотим.

И побежали...

Впечатление, бабочки, тараканы, да и ощущения с восприятиями ушли на второй план.

– Так бывает, – подумал второй план. Он был стар, как мир, и хорошо понимал, что под пылью декораций скрывается много неочевидных, но прекрасных вещей.

Два Виктора появились в жизни одной дамы, практически, одновременно. Прямо в тот момент, когда она начала задумываться о том, что неплохо было бы иметь хотя бы одного.

Так, оказывается, тоже случается иногда.

Аня сидела дома и мучилась.

Неизвестно, от чего.

То ли жалко кого-то было (возможно даже себя), то ли завидовала кому-то, то ли просто думала о жизни и понимала, что все «как-то не так».

Первый Виктор блистал своим интеллектом и давил своей значительностью, прикрывал свою рафинированную интеллигентность нецензурными словечками и смотрел на реакцию.

Когда видел реакцию, делал вид, что ему все равно.

Аня увлеклась им до безумия.

Избалованная вниманием мужчин, прямо скажем, весьма среднего качества (если о мужчинах так можно говорить...), она хотела думать, что именно это и есть ее награда, ее выигрыш в жизни, компенсация за много лет, потраченных на «самых обычных» особей мужского пола, ничем не примечательных, не сумевших понять ее глубины, очарования и загадочности...

Честно говоря, было их не так уж и много (если считать то, что сейчас называют отношениями), но вполне достаточно, чтобы делать какие-то выводы (если считать то, что называется «обращают внимание»).

Проблема, как раз и заключалась в том, чтобы из «обратил внимание» перейти к стадии «строим отношения».

Короче говоря, внимание обращали многие, а до отношений доходило не всегда.

То ли у них не было времени докапываться до ее внутренней наполненности, которая скрывалась за легкой, даже можно сказать, воздушной внешностью... То ли у нее не было желания дожидаться пока они хоть что-нибудь поймут, или понижать планку, смиряясь с тем, что есть...

Одним словом, никто не верил, что ТАКАЯ дама и абсолютно свободна (читай – одна).

Виктор Куприянов показался ей, наконец, единицей, достойной ее внимания и усилий.

Равным ей.

А, поскольку для равенства в отношениях (в ее понимании) женщине нужно было быть чуть-чуть ниже, чуть-чуть проще, чуть-чуть более зависимой, чуть-чуть более глупенькой, то Куприянов был как раз ТО, ЧТО НАДО...

Он исчезал и появлялся, не держал своего слова и уходил от ответа, глубокомысленно молчал или играл роль капризного ребенка...

Хотел, чтобы с ним нянчились, и, в то же время, хотел, чтобы в нем видели нормального крутого мужика.

Нет, не мужика, конечно.

Мужчину!

Куприянов блистал интеллектом и силой влияния.

Справедливости ради, нужно сказать, что и того и другого было с избытком.

Даже с излишеством.

Перерасход, одним словом, интеллекта и влияния. В перерасчете на одного, отдельно взятого Куприянова.

Перерасход в перерасчете, однако...

И, естественно, там, где был перерасход одного, там катастрофически не хватало другого.

Инфантильный. Понимающий только себя. Ждущий постоянного восхищения и превозношения. Мгновенно «опускающий» каждого, в чьих глазах он это видел.

Благо, арсенал средств и приемов, был не просто велик, а безграничен...

Аня, эта вечно умненькая и красивенькая Аня, просто себя не узнавала...

Мечтала о свиданиях. Терзала себя «как сказать», «что надеть», «не слишком ли открытое платье», «не слишком ли традиционный наряд»?

И так далее...

Понимала, что он оттачивает на общении с ней свои техники и тактики. Подсмеивалась сама над собой и подыгрывала ему во всем.

Ждала каждого слова и ловила его.

Подхватывала, придумывала достойный ответ, наслаждалась этим жонглированием...

«Достойно шпажимся», – говорил Куприянов, и Аня бесконечно гордилась собой...

Все начиналось с «игры слов», и почти тем же и заканчивалось.

Помимо всего прочего, целоваться (и все остальное) с Куприяновым было тоже приятно.

Интеллект и тут давал о себе знать...

Второй Виктор был полной противоположностью первого. Простоват. Надежен. Несложен. Твердо стоял на земле. Ухаживал традиционно.

Аня называла его Вилли. Сама не знала, почему... Просто так хотела. А может... для того, чтобы не путать даже мысленно двух Викторов.

Это был тот случай, когда два Виктора – это было уже

многовато.

Правда, Анна справлялась вполне прилично.

Так вот, о Вилли...

Он был настоящим. Мудрым. Без игр, но и без поэзии. Если что-то знал, значит, знал досконально. Если нет – не «размазывал» слова и мысли, лишь бы хоть что-то сказать.

Не углублялся.

Не красовался.

Не манерничал.

Был убежден на сто процентов, что женщине без мужчины очень трудно. Просто потому, что она слабее. Просто потому, что она легче. Просто потому, что «мужчина должен знать и уметь все», а женщина – только то, что должна знать и уметь женщина.

И, поскольку женщина (существо нежное, теплое и шепетильное), в принципе, никому ничего не была должна, то – возвращаемся к пункту первому: **ВСЕ ДОЛЖЕН МУЖЧИНА.**

Он не говорил громких слов. К пафосным и высокопарным словам вообще относился скептически.

«Хочу, чтобы ты пила чистую водичку», – говорил он, устанавливая новый фильтр на кухне у Ани.

«Почитай, если будет интересно», – говорил он, протягивая ей распечатку рецептов салата из топинамбура – все из раздела о правильном питании.

«Хочу, чтобы ты не думала об этом. У тебя же есть я!» –

говорил он, забирая ее машину на мойку.

«Как ты поедешь сама на заправку? А вдруг там не будет заправщика? А вдруг там очередь?» – говорил он, когда она собиралась просто поехать и заправить машину.

«Наиболее деликатный из всех знаков Зодиака, консервативен, производит хорошее впечатление» – смеялась Аня, читая его гороскоп, и думала про себя: – А ничего, что я уже очень давно сама обеспечиваю себя чистой водичкой, вставляю пистолет в бак и возвращаюсь в темноте? Если нужно прибить полочку, вызываю мастера. Если нужно починить машину – еду на СТО. Или спокойно обхожусь без того, что сломалось... Ну и так далее... Мамонты мне не нужны, а с остальными вопросами я как-то спокойно справляюсь...»

Но, между тем, было приятно...

Вилли водил ее в театр, хотя, судя по всему, это было не самым естественным времяпровождением для него.

Куприянов, практически, никуда не водил, только вел умные разговоры где-нибудь в ресторане, но общение с ним само по себе уже было театром!

В общем, все было очень неоднозначно.

В нескольких словах ситуацию можно было описать так:

Куприянов соответствовал утверждению «ах, я умираю от восторга», а Вилли – «ладно, пусть будет, потом посмотрим».

Это было не совсем честно, но очень удобно...

Аня прекрасно договорилась сама с собой. На некоторое

время.

Глава 2. О чем думает Зи Гранкина или «С праздником, дорогая...»

– Ваш номерок, – строго сказала женщина, работающая в гардеробе.

Она не могла любить зрителей, которые забирали пальто до окончания спектакля, но понимала, что бывает всякое.

Хотя... Здесь было совершенно понятно, что молодые люди уходят не из-за важных дел, а просто потому что хотят остаться вдвоем, спрятавшись от зрительного зала.

Но... Женщина, работающая в гардеробе, была хорошо воспитана и доброжелательна. В отличие от других, она была готова найти место для вашего зонтика, шапки и пакета, лишь бы вы понимали куда и зачем пришли.

Выдавая молодым людям их куртки (честно говоря, при всем своем опыте, даже она не могла бы разобраться где – чья) женщина, работающая в гардеробе с сожалением махнула рукой впечатлениям и мурашкам. «Пусть идут себе».

– Нет-нет, – успокоили ее декорации, на фоне которых в этот момент на сцене распинался резонер, – не беспокойтесь, пожалуйста, о женщина, работающая в гардеробе, ничего не бывает зря.

– Да-да, – согласились хором несколько миниатюр. Хотя

после «нет-нет» сказать «да-да» — это не значило согласиться. Но... Взять с них было нечего: миниатюры, одним словом...

— Так не бывает, — продолжала сокрушаться тень главного героя. Она имела на это полное право, — Я знаю, как это бывает... Когда от тебя, такой великолепной и рельефной, не остается даже очертаний...

— Да неужели? — съязвили воспоминания, — Насчет очертаний — очень может быть... Но... Что такое очертания? Какая-то кривая линия, повторяющая твой силуэт, да и то в искаженном виде?

— Конечно, — уверенно пробухтел самовар из пьесы, название которой уже все забыли, — Я могу любой примадонне показать, что в некоторых ракурсах она смотрится весьма забавно... Это... если не сказать больше...

— Ну-ну, — отозвался репертуар, — Посмотрим, как у тебя это получится.

— Я бы на твоём месте не была столь категоричной, — звонко и немного нарочито выпалила на сцене тетя сестры главной героини. Это была её единственная фраза в этом спектакле, и она относилась к своим словам с большой ответственностью, всякий раз произнося их с немного другой интонацией.

— А что такое «я бы на твоём месте»? — подумала фраза, которая очень любила придирается к словам, особенно если они произносились пафосно.

– В прошлый вторник на этом самом месте сидела очень красивая девушка, – промелькнуло в голове у бархатного кресла (партер, третий ряд), – а перед ней находился смущенный от собственного роста мужчина. Вот как получается: лучшие места в партере! А вряд ли кто-то согласился бы с ней поменяться.

– А у меня как раз все было в порядке, – скромно заметил приставной стульчик. Ну... Собственно говоря, как и было ему положено в его положении, – даже никто конфетными фантиками не шуршал.

– Вот всегда так, – промелькнуло в голове у конфетного фантика, – А могли бы понять, что послевкусие остается не только от игры актеров, но и от конфеты, съеденной украдкой.

– Не знаю, не знаю, – сказала украдка, которая только сама и догадывалась что она есть на самом деле, – если речь идет о кусочке шоколада, то фольгой шуршит кто-то один, – тот, кто разворачивает, а послевкусие остается у другого – у того, кому положили его в рот...

– Не-е-ет, – добродушно протянул номерок, на котором (или по которому? Он и сам не знал – как правильно) висели сразу два пальто – женское и мужское, – Вы даже не представляете, какое послевкусие остается у того, кто в толпе у гардероба старается поухаживать за своей спутницей, при этом зажимая под мышкой свою одежду... Но никакие сложности не сравнятся с удовольствием укутать свою люби-

мую – неважно, в меха или в куртку «адидас»... Наблюдаю за этим каждый день...

– Искать и считать мужчину достойным противником – в корне неправильно, – задумчиво сказала характерная актриса и сделала маленький глоток кофе, – достойные противники играют на одном поле, а в нашем случае – это значит сравнивать зеленое с соленым.

– А я считаю, что в отношениях должно быть некоторое противостояние. Я недавно прочитала, что – иначе – это будет общением среднего рода, – проговорила стареющая инженерю, возвращая наивные детские глазки со стрелочками вверх на то место, где им и полагалось быть у женщины «слегка за сорок».

При этом слово «слегка» было несколько преувеличено.

– Снимайте маски, господа, – сказала маска Пьеро, разглядывая со стены странную компанию, – спектакль закончился, занавес опущен...

«Они играют эти роли уже несколько лет, – подумали часы с кукушкой, – и каждый раз – одно и то же. Спектакль проходит так же, как и накануне, а актеры – меняются. Особенно это заметно с годами»

– Да уж, – подумала стрелка на веке инженерю, – раньше я смотрела четко вверх и, в сочетании с ресницами, накрашенными тушью «с театральным эффектом» (оказывается, есть и такой) – это было великолепно. А сейчас...

– Ничего страшного, – сказала ленинградская тушь из су-

мочки характерной актрисы, – когда нужно произвести впечатление, мы тоже кое-что еще можем.

– Штампы и стереотипы, – подумали духи Арман Бази ин Ред, – почему всегда пишут о несчастных, страдающих, страдающих актрисах? Взгляните только на Зи Гранкину – молодая, очаровательна, настолько сексапильна, что даже задние ряды партнера реагируют соответственно...

– Да уж, – дружно подхватили задние ряды партнера, – мы реагируем соответственно, – Зи Гранкина не случайно носит такое имя. Она все время находится на грани чего бы то ни было. И готова к экспериментам. Но, конечно, безусловно, очаровательна...

– Знали бы вы, – вздохнула грань чего бы то ни было, – как сложно ей, да и всем остальным, балансировать на мне...

– А никто не заставляет! – спелись штампы со стереотипами.

Правда, и они были согласны, что то, что может себе позволить Зи Гранкина, не все могут себе позволить.

– Так вот я о том же, – проговорил вечно голодный брутал, который тоже принимал участие в одном из театральных экспериментов Зи.

– Эх ты, – снисходительно напрягся мускул брутала, – Только и можешь поддакивать. Нет, чтобы настоять на своем, и крикнуть во весь голос – ЭТО МОЕ ШОУ. Это – мое амплуа...

– Успокойся, – буркнул брутал, – Мы не на ринге. Здесь

все немного понарошку... Это – театр. Брутала мог изобразить даже вон тот доходяга с длинным носом, который играет Буратино... И зрители, которые смотрели бы на эту жидкую фигурку, всем зрительным залом могли верить, что он – накачанный мачо, даже если бы он надел короткие штанишки своего предыдущего персонажа.

– Кофе? Водка? – спросил бармен, заглядывая в глаза бруталу. Бармен тоже находился «на грани», хотя и не участвовал в экспериментах Зи Гранкиной. Грань бармена находилась где-то между искусством и коммерцией.

Разве не мог он арендовать легкое светлое помещение в оживленном месте и сделать из него лучшее кафе в городе? С его-то предприимчивостью и маркетинговым чутьем?

Нет, что-то держало его здесь, в этом не слишком прибыльном кафе без сильной бизнес-идеи...

Что держало его тут? Театр за стенкой? Зрители, которые заходили сюда на 15 минут до спектакля и спешили выпить свою чашку кофе в предвкушении? Актеры, которые иногда заглядывали после выступления и выходили из образов уже за стойкой бара.

Нужно отметить, что выходили они из образа только в случае, если предварительно туда зашли... Но... это так, лирика...

– Ах, этот ни с чем не сравнимый воздух театра, – ухмыльнулся вентилятор, который и занимался (как он думал) самым важным – смешивал атмосферу театра с выхлопными

газами улицы.

– Я тоже... Я тоже играю существенную роль, – серьезно высказалась пуговица, которая еще три минуты назад была неразрывно связана с шелковой блузкой Зи, – только никто этого не замечает пока я, красивая пуговица на четыре дырочки, честно и добросовестно выполняю свои функции и/или играю свою пуговичную роль.

Но... Никогда не знаешь, чего ждать от нитки, которая мнит себя центром Вселенной.

Нужно знать Зи! Она – безалаберна, как любая талантливая актриса. Она не пришила пуговицу, а только «прихватила» ее несколькими стежками.

И вот – результат.

Связь, которая казалась неразрывной, разорвалась в один момент.

– Так даже лучше, – улыбнулся режиссер, глядя на то место блузки Зи Гранкиной, где только что была пуговица.

Зи, освобожденная от любых комплексов и условностей, смутилась.

– Кажется, закатилась под стойку бара, – предположила Зи, элегантно роясь в сумке в поисках булавки или чего-нибудь значка.

– Могу предложить иголку с ниткой и временную пуговицу, – тихо сказал бармен, который готов был горы свернуть ради Зи, но сдвинуть стойку бара для того, чтобы найти пуговицу – не мог. Кроме того, он не знал, как будет лучше –

заметить то, что пуговица оторвалась или нет...

Он никогда не знал, как будет лучше.

И в этом была его главная жизненная проблема.

– Не нужно быть такими безалаберными, – решила стойка бара, – Я – устойчива и фундаментальна. На меня опираются великие актеры, когда заходят сюда... Нужно всего лишь наклониться и поднять пуговицу. Она, конечно, лежит не на видном месте, но и искать придется не так уж и долго.

Драматург положил на столик небольшой пакет.

– Что это? – спросил режиссер, – весь твой скарб?

– Это – песок, – пояснил драматург и добавил: – Зи, ты не будешь играть Офелию. Офелию будет олицетворять кучка песка...

Режиссер расхохотался:

– О, столько потерь сразу... Сначала пуговица, потом роль Офелии.

– Я переживу, – Зи просто очаровательно скрипнула зубами, – интересная мысль с Офелией...

– Еще бы, – подумала кучка песка...

– Разумеется, – улыбнулась интересная мысль.

Отношения с Вилли развивались строго по спирали. Как, собственно, и должно было быть.

В нормальных отношениях.

Аня не утруждала себя мыслями, где, когда и кем устанавливались правила – как-таки должно было быть.

С некоторых пор она вообще не сильно старалась задумываться над тем, что стоит у истоков каких-то поступков, слов, мыслей.

Иначе, просто сойдешь с ума...

Как и многие, вполне необходимые вещи в жизни, одни мужчины предназначались «для блеска», другие – «для жизни», третьи – «чтобы был»...

Грани, как обычно, были размыты.

Она знала, что если Вилли берет ее за руку, то за этим последует что-нибудь ласковое, нежное, милое... Аня не считала его предсказуемым, но во многих случаях угадывала то, что он сделает.

Куприянов, рассматривая близко ее лицо, говорил: «Губы у тебя детские... Мне всегда нравился более чувственный рот. Но у тебя – очень даже вполне.»

Вилли говорил с придыханием «Какая же ты красивая!», и она принимала это, как должное. От Куприянова было радостью услышать «очень даже вполне»...

Все зависело от того, кто судит.

Вилли дарил цветы, приглашал в театры, согласовывал свои действия и смотрел влюбленными глазами. Однажды он хотел ее поцеловать, а она сказала «ой, я только что курила»...

У Вилли на лбу было написано «ну разве кто-нибудь

в здоровом уме откажется поцеловать тебя только из-за того, что ты курила?»

И называл ее «мой паровозик»... Ну, в смысле, дымил, как паровоз, но для него это было очень мило...

Куприянов рассматривал ее, как картину, но любовался только собой.

Картинки складывались настолько разные, что этих двух Викторов просто невозможно было сравнивать. Казалось, что в природе просто нет ни одного критерия, по которому их можно было бы сопоставлять.

Все равно, что сравнивать теплое с оранжевым или железное с соленым... И думать, что лучше.

Поэтому Аня не хотела отпускать от себя ни одного, ни другого.

В случае с Вилли все зависело и от нее тоже. В случае с Куприяновым от нее ничего не зависело.

С Вилли было тепло.

С Куприяновым – ярко.

Про Вилли она могла забыть на время.

Куприянов мог забыть о ней.

Вилли готовил сюрпризы, приносил цветы и писал стихи в смсках.

Куприянов к вечеру 8 марта присылал сообщение «ну с праздником тебя, дорогая».

Весь мир говорил ей: И ТЫ ЕЩЕ В ЧЕМ-ТО СОМНЕВАЕШЬСЯ?

И она отвечала всему миру – ДА!

Что же ей оставалось делать, если радужное бульканье у нее внутри начиналось и от теплоты Вилли и от неординарности Куприянова?

«Я хочу строить семью!» – говорил Вилли.

«Я не выдерживаю долго в женатом состоянии», – говорил Куприянов.

Роман с Куприяновым не входил ни в какие рамки.

Роман с Вилли был традиционным и поступательным.

Аня решила, в кои-то веки, думать только о себе.

Знаки о том, что она все делала правильно, сыпались со всех сторон.

В статьях и заметках постоянно попадались фразы «дружбу сексом не испортишь» или «как много сил уходит «в никуда»...

Никто не заставлял делать выбор.

Никто не принуждал принимать решение.

Куприянов право выбора и принятия решения оставлял за собой всегда.

Даже так: это право он ДЕРЖАЛ ПРИ СЕБЕ, не отпуская.

Ане и в голову не могло прийти принимать какие-то решения по отношению к нему.

Это был бы просто цирк какой-то: плюшевый медвежонок вдруг рассказывает о том, как устроен двигатель автомобиля.

Похоже на анекдот...

Вилли тоже ни к чему не принуждал...

Ну, как минимум, в плане принятия решения...

В остальном – тоже, конечно, но менее категорично.

Одним словом, во всех основных жизненных моментах,

Вилли был очень демократичным.

Как в старой доброй классике: если бы взять уши Ивана Ивановича и добавить характер Петра Петровича, то получилось бы что-то идеальное...

Но так, естественно, не получалось.

Куприянов мучал, Вилли лелеял.

Вилли кормил конфетами, Куприянов «посыпал их перцем».

Куприянов блистал сам, Вилли служил ей верой и правдой.

Вилли обожал, Куприянов снисходил...

Куприянова нужно было удерживать, Вилли держался сам.

Ну и так далее...

Глава 3. Ампула

Антуанетты или Картинка счастья из третьего акта

Антуанетта знала на 100%, что новую жизнь нужно начинать с генеральной уборки, избавляясь от всего лишнего хлама, накопившегося в старой жизни.

Но всякий раз, оглядевшись вокруг, в итоге понимала, что «у меня еще более-менее «чистенько», и время настоящей генеральной уборки еще не пришло.

– Ну-ну, – подумала генеральная уборка, – Не все понимают, что для чего-то нового нужно расчистить место. Иначе новое просто некуда будет положить.

– Это правильно, – подхватил диалог, который в театре занимал особое место, – Только не плохо было бы также помнить, что, как только ты выбросишь старую вещь, она тут же тебе понадобится.

– В театре не бывает ненужных вещей, – начала рассуждать старая вещь, – Никогда не знаешь, какая шутовина пригодится в следующей постановке. Особенно, если речь идет об экспериментах...

– Ага, – промямлили старые джинсы Зи Гранкиной, в которых она прекрасно справилась с ролью Нины Заречной, – Зи совсем уж собиралась нас выбросить, но вовремя одума-

лась.

– Это были просто счастливые джинсы, – проворчала генеральная уборка, – все знают, насколько актеры суеверны.

– Это уж точно, – проворчала черная кошка, которая не раз блистала на афише, но встречи с ней боялись в театре все.

– Да, актеры суеверны, – подумал бармен, вспоминая как шарахнулся от него Клим Пятеркин, когда увидел, что бармен несет к столу ведро с бутылкой шампанского. Ведро было не пустое, но Клим просто отшатнулся. На всякий случай.

– Еще бы, – проворчал Клим Пятеркин, который когда-то по молодости взял себе этот (как ему казалось) театральный псевдоним вместо вполне нормального имени Андрей Шаповалов, – отшатнешься тут, когда три раза пришлось возвращаться домой за забытыми мелочами.

– Дань моде, – с презрением сказал псевдоним, – у каждого действия должна быть причина. Называя себя по-другому, нужно понимать зачем ты это делаешь... А иначе – это просто понты... Кстати, фамилия Понт еще не использовалась, кажется, в качестве псевдонима. Нужно за кого-то взяться...

– Вот именно, – подхватило ружье, которое должно было выстрелить в третьем акте, но это случалось не всегда, – Все знают, что это так, но продолжают следовать моде. И... сначала вешают меня на стену, а потом начинают придумывать, зачем я там нахожусь.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся художник-постановщик, – знали бы вы, сколько трещин в декорациях прикрывают ружья, которые никогда не стреляли! Хотите сказать, что это недостаточная причина для того, чтобы поместить там ружье?

– А я? – спросила картина в стиле авангард, – неужели нельзя было прикрыть трещину в стене авангардом? Я так давно не была на сцене...

– Эту мазню – в кафе, – решительно отчеканило амплуа «петиметр». Ему редко удавалось подать голос, т.к. мало кто из нынешних экспериментаторов знал, что это просто щеголь, светский вертопрах, невежда, рабски поклоняющийся всему заграничному. 18 век был слишком далеко, и никто, кроме самых старых театралов даже не догадывался, что театральное кафе – от вешалки до столика в углу – было просто заполнено одними петиметрами.

– Увы, – вздохнула вешалка, – а ведь были времена, когда театр начинался с меня. По крайней мере, так думали те, кого не брали в труппу. Нужно, конечно, признать, что не все, кто начинал «с вешалки» потом попадали на сцену.

Иллюзия печально прикрыла глаза. Бывало, конечно, и так...

...Худенькая девочка с мамой модельной внешности заглянула в театральное кафе сразу после дневного спектакля.

– Тебе понравилось? – несмотря на модельную внешность и сорок первый размер ноги, мама девочки была вполне начитанной особой.

– Очень, – ответила девочка, по которой плакала балетная школа, потому что ей не приходилось сидеть на диете для того, чтобы быть худенькой.

– А что ты поняла из этого спектакля? – улыбнулась мама. Ей редко удавалось доставить удовольствие девочке, хотя мама постоянно думала об этом. Несмотря на модельную внешность. Просто девочка была такая. Трудно было угадать, что именно доставит ей удовольствие.

– Фррр, – отозвалось удовольствие из блюдечка с пирожным, – все эти ваши впечатления от увиденного меркнут по сравнению с такой вкуснотой.

Девочка задумчиво грызла лимонную корочку.

– Я поняла, что бандит полюбил даму, а дама так и не полюбила бандита.

«Смотрели „Барышня и хулиган“, – подумал бармен, – но как же верно сказано, черт возьми! Ни добавить – ни убавить!»

– Как забавно, – подумал Хулиган, который, можно сказать, поселился в голове у девочки, – На самом деле, эта «барышня» «бегает» за мной уже третий месяц, но, видно, хорошо отыграли, если маленькие девочки понимают это именно так.

– Было бы здорово, если бы барышня с хулиганом заглянули ко мне сюда, пока здесь эта девочка, – подумал бармен, – Наверное, ей было бы очень интересно увидеть «на самом деле», без грима и масок, тех, кого она только что видела

на сцене.

– Ох, не знаем, не знаем, – сказали маски, – иногда лучше не видеть кого-то без грима. Меньше будет разочарований. Очень часто те, кто нас срывает, позже жалеет о том, что он это сделал.

– Он не любит меня, – подумала Барышня, переодеваясь в примерке.

– В следующий раз, когда пойдем в театр, нужно взять с собой цветы, – сказала девочка, размазывая по тарелке крем от пирожного, которое так и не доставило ей удовольствия, которого так хотела мама после спектакля, – я подарю их Хулигану.

– Почему именно ему? – улыбнулась мама худенькой девочки.

– Потому что у него просто океан любви, – твердо ответила девочка, – а дама этого не видит.

Океан любви промолчал, так как было совершенно ясно, что он существует только в мечтах девочки.

– Может быть, в следующий раз пойдем на другой спектакль? – спросила мама, – Зачем же два раза смотреть одно и то же?

– Нет, пойдем именно на этот, – решительно сказала девочка, – Может быть, в следующий раз она полюбит его. Это же не кино...

– Наверное, ты права, – улыбнулась мама. Несмотря на модный наряд и современные замашки, она хорошо по-

нимала свою девочку, – Это не кино. Хотя и здесь трудно представить другой конец.

– Все-равно, в следующий раз все может быть хоть немножко по-другому, – сказала девочка, – Хоть немножко...

– Все может быть, – сказала мама, хотя точно знала, что по-другому не будет... Ну, разве что, актриса сделает другую прическу или актер будет говорить простуженным голосом.

«Мне кажется, сегодня он играл любовь ко мне более искренне, чем в прошлый вторник, – подумала Барышня, надевая теплые носки. В примерке было невероятно холодно, – А мне все труднее показывать равнодушие. Наверное, я плохая актриса...»

«Девочка все поняла правильно, – подумал бармен, переставляя стаканы.

Между тем, время приближалось к вечернему спектаклю. Вечерний спектакль знал, что торопиться не нужно. Время приблизится все равно.

Антуанетта понимала, что сегодня вечером будет сплошное мучение, т.к. накануне она «ходила по углям» и, хотя, знатоки двадцать раз предупредили ее, что страшного в этом ничего нет, что-то, по-видимому, пошло не так. Как назло, платье греческой богини чуть-чуть не доставало до пола и из-под него должны были выглядывать идеальные ножки. Режиссер даже предупреждал ее насчет яркого педикюра, не говоря уже об ожогах, которые можно было скрыть на но-

гах, но почти невозможно сделать так, чтобы они не отражались на лице. Играть роль нужно было босиком.

Антуанетта привыкла искать во всем что-то хорошее и подумала: «Слава Богу, что сегодня я не играю субретку – со всеми этими пируэтами, подскоками и фонтанирующим блеском».

«Да неужели? – ехидно хмыкнуло амплуа субретки, – ты не играешь ее ни сегодня, ни еще когда-нибудь. Эта роль ушла к другой актрисе. Ты можешь, конечно, утешать себя, но нужно же знать границы в поисках чего-то хорошего. Особенно в тех местах, где его нет.

«Да неужели? – передразнила Антуанетта, – если мне «по зубам» роль греческой богини, да еще и с травмированными пятками – дай, Вселенная, здоровья мастеру, который водил меня по углям, – то уж где и как мне побыть субреткой – я разберусь. Для этого необязательно чтобы тебе ДАЛИ эту роль. Любую роль ты можешь взять сама. Да хоть на собственной кухне с кружевными шторами и южкой на подоконнике.

– О, да-а-а, – вздохнула кухня с кружевными шторами, – я была свидетелем всякого, – Не обо всем можно говорить вслух...

«Нужно южку с подоконника отдать бармену, – подумала Антуанетта, изящно пытаясь заклеить пластырем раны на ноге, – все равно я ее забываю поливать...»

– Скорее бы, – проворчала южка на подоконнике, – суще-

ствуют же, в конце концов, какие-то правила. И даже то, что ты – актриса, не дает тебе права их полностью игнорировать. Я уже не говорю о том, что те, кого ты называешь «домашними курицами» даже разговаривают со своими комнатными растениями. А я не могу дождаться от тебя даже воды. Приходится терпеть, но терпение мое не безгранично.

– От долгого терпения портится не только настроение, но и цвет лица, – сказала безграничное терпение, которое точно знало, что всему есть предел, – а уж если речь идет о недостатке воды в организме, то тут, действительно, все серьезно.

Если бы Аня попыталась представить или нарисовать картинку своего счастья, то она бы запуталась окончательно.

Стереотипы, которые навязывались всем девочкам, девушкам и женщинам всех времен и, практически, всех народов, ужасно мешали.

Нужно хотеть замуж! Девушка должна туда хотеть! Нужно искать богатого и влиятельного мужчину! Мужчина должен..., женщина должна! Любая женщина хочет детей. Не хотеть детей – это позор. Любая девушка стремится создать семью. Если не стремится, значит, что-то с ней не так...

Может быть, ищет кого-то получше...

Мужчина должен всегда ее хотеть. Если не хочет, значит что-то с ним не так... Или с ней...

А почему нельзя было просто жить? Так... потихонечку...?

Куприянов исчезал на время, потом появлялся опять.

Работа. Занят. Не хотел никого видеть и слышать. Уезжал. Сегодня есть полчаса, можем пересечься где-нибудь. Где-нибудь поближе к центру, мне так удобнее... У тебя все в порядке?..

Если Аня пыталась поиграть с ним в его же игры – сделать вид, что занята или не может встретиться прямо сейчас, то Куприянов едва ли не пожимал плечами – ну нет, так нет...

Ей дорого обходились эти игры. Не можешь, занята сегодня? ОК, созвонимся через пару недель...

«В следующий раз хорошо подумаешь, прежде чем быть «занятой», – думала Аня.

Вилли освобождал для нее все время, какое только мог освободить. Все его время было для нее. В пределах разумного, конечно.

Картинка счастья с Вилли была пейзажем. Теплый день. Ласковое солнце. Воздушное платье. Тихое кафе за городом на природе. Обожающий мужчина и обожаемая женщина... Терраса, залитая солнечным светом. Блики на воде. Свежий ветерок. Теплая рука. Романтическая прическа.

Картинка счастья (если это можно было представить!) с Куприяновым могла быть похожа на... Нет, она просто ни на что не могла быть похожа, эта картинка...

Просто ни на что...

«Ты готова быть подружкой гения?» – спрашивала себя Аня. И сама же отвечала – да никогда в жизни!!!

И, тем не менее, тянуло к Куприянову. К пороку и безразличию. Насмешкам и равнодушию. Играм и игрищам. Манипуляциям и техникам пикапа.

К Вилли тянуло меньше. Вилли, как будто-то и не мог никуда деться...

– Почему ты ушел от своей первой жены? – спросила Аня Куприянова во время одной из первых встреч.

– Влюбился, – Куприянов пожал плечами.

Этого было достаточно, по его мнению...

«Действительно, – думала Анна с недоумением, – подумаешь – жена и ребенок! Мужчина влюбился!!!»

Но не комментировала. Комментировать слова Куприянова можно было только если ты был готов подтверждать его мнение. Петь в унисон.

И, при этом, поддакивать на его фразы о том, что ему «все равно».

О, каким сложным и неоднозначным он казался Ане! Может, конечно, и был... Но, в основном, казался...

Вилли никем и ничем не казался. Вилли был.

Но... Картинка никак не хотела сужаться.

На залитой солнцем поляне со свежим ветерком, однозначно, чего-то не хватало.

Вероятно, игры или манипуляции...

Чего-то точно не хватало.

Глава 4. Свежий супчик Марфы или Важный разговор со старой шалью

Зрительный зал зашелестел аплодисментами.

– Изысканно, – аплодисменты оценили этот приятный шелест, – это не концерт, не шоу, взрываться не нужно.

– Смотрю я на то, как люди проводят вечера, и думаю – чего им не сидится дома, – проговорил сорокапятилетний юноша, глядя на свою спутницу за столиком в кафе.

– Смотрю я на то, как ты проводишь жизнь, и думаю – что я делаю с тобой здесь? – почти сказала его спутница, но в последний момент решила промолчать. Не так уж часто они выбирались куда-то вдвоем.

«Проводишь жизнь» – хорошая формулировка», – подумал бармен, переставляя кофейник.

«Вот именно, – подумал кофейник, – проводить время – это одно, а проводить жизнь – это совсем другое. Уж я-то знаю это, слушая всю жизнь разговоры вокруг... Приходят на чашечку кофе, а потом выпивают целый кофейник. А известен этот повод проводить время именно как «чашечка кофе».

– Да-да, конечно, – подумал кофе. Все-таки «подумал», а не «подумало», – Приходят на чашку кофе, а заказывают

пищцу и сок. Ах, штампы, штампы...

– Это имеет значение! – главная героиня произнесла эти слова настолько хорошо поставленным голосом, что даже шестнадцатый ряд партера услышал ее очаровательную хрипотцу.

– Да, это играет определенную роль, – негромко подтвердил герой второго плана, прохаживаясь по сцене и понимая, что он должен сказать реплику, но при этом не должен затмить (а он считал, что он-таки мог это сделать) главную героиню.

– Это одно и то же, – небрежно бросила главная героиня. Она – и голосом, и выражением лица, и всей фигурой – отчаянно делала акцент на то, что все остальные – это только фон.

«Я хочу играть эту роль. Я хочу играть эту роль, – Зи Гранкина повторяла эти слова, как таттву, и подвергала себя опасности, сев за руль после двух бокалов вина.

«Я хочу иметь значение... Я просто хочу иметь значение..., – думала спутница сорокалетнего юноши, размешивая сахар в чашечке кофе.

– Слишком большая роскошь по нынешним временам, – откликнулась чашечка кофе, хотя девушка размешивала сахар совершенно беззвучно, – Слишком большая роскошь – чтобы у тебя брали то, что ты хочешь отдать... Мне это удастся с некоторыми посетителями, но не со всеми... Да еще сахар остается на донышке. Или губная помада на краю...

– Любимый, жизнь состоит не только из действий и вещей. Есть еще что-то неосязаемое, то, что чувствуют не все. Бедные, бедные люди... Те, кто знает, что это такое..., – сказала Антуанетта воображаемому слушателю.

Она была весьма начитанной дамой и хорошо знала, что Гоголь, Гегель и Бабель – это совсем разные мужчины.

– Мою третью книжку «завернуло» издательство, – печально сказала Елена Василию Ивановичу.

«О, наверное, это писательница, – подумал бармен, разглядывая фужер на предмет отпечатков пальцев и губ, – хотя, может быть, и какая-нибудь научная дама. Впрочем, нет. Околонаучные дамы не выглядят так роскошно... И еще раз „впрочем“, не так уж много я повидал близких к науке дам, чтобы уметь отличать их от других по внешнему виду и разговору...»

– Есть идея, – отозвался ее спутник, – Давай сделаем акцию: покупаете две книги, третья – в подарок. Три книги по цене двух. Первую покупаете, две остальные – со скидкой.

– Романтик..., – Елена приподняла правую бровь и вздохнула, – Это все равно, что твои слезы и мученья кто-то мешает чайной ложечкой в стакане, позвякивая о края, и пробует на вкус.

«А потом говорит: «ну что ж, в целом, пить можно...», да?» – продолжил ее мысль бармен, который до недавнего времени «баловался» драматургией, а теперь вынужден был хорошо понять, как реагируют посетители на те или иные

напитки.

– Увы, – звякнули беззвучно слезинки, которые так и не появилась в глазах, – как обидно, когда рвешься наружу, хочешь, чтобы тебя услышали, а кто-то решает, что это неприлично.

– О, здесь было столько слез, – вздохнули стены театра.

– Прямо не знаю, что делать, – проговорила грустная девушка по имени... Впрочем, ее имя в данный момент не имело никакого значения, – Я предлагаю решение, а он продолжает жаловаться на жизнь.

– Пора бы уже понять, – ответило ей решение, – Если у человека, который любит жаловаться, отнять повод для жалоб, то он почувствует себя обделенным. Ему будет катастрофически чего-то не хватать. Это не сделает его счастливее.

– Почему так происходит? – спросила она.

Просто такие люди...

– Все будет следующим образом, – у неглавного режиссера театра горели глаза... Хотя... Иногда его глаза казались окружающим не горящими, а слегка тлеющими, – Из зрительного зала на сцену будут выходить не актеры, а зрители. И рассказывать свою историю.

– А будет ли это интересно остальным? – возразила его собеседница, актриса средних лет, хорошо знающая законы всех жанров, – ведь на сцену могут выйти люди, которым нечего сказать.

– Те, кому нечего сказать, не пойдут на сцену! – восклик-

нул неглавный режиссер.

– О, милый мой, вы не знаете жизни, – актриса, которая хорошо знала законы всех жанров, похлопала его по руке, – На сцену будут выходить именно те, кому нечего сказать. Так всегда бывает. И не только там, где есть сцена. Увы...

– Странно, что вы так говорите, – усмехнулся неглавный режиссер театра. Он хорошо знал нравы актрис средних лет и старался говорить с ними очень бережно.

– Странно, что вам это кажется странным, – ответила актриса средних лет, которая в данный момент предпочла бы видеть перед собой главного режиссера, с которым у нее было связано много ярких воспоминаний.

– Что вы имеете в виду? – спросил неглавный режиссер. Он прекрасно понимал, что именно она имеет в виду, но хотел поддержать разговор.

Разговор, который приходилось поддерживать, обиделся: «В конце концов, бывает полезным просто помолчать. Тем более, когда один из собеседников постоянно поглядывает на дверь».

– Ах, ничего особенного она не имеет в виду, – скрипнула дверь, – Она ждет совсем не этих слов.

– Увы, – подтвердили совсем не эти слова, – Что же делать? Люди произносят одни слова, а предполагают что-то другое. И не всегда заботятся о том, чтобы их поняли.

– Но, когда их не понимают, они неизменно обижаются, – потирала руками обида. Впрочем, у обиды не могло быть

рук... А, впрочем, в данном случае это было совершенно неважно. Люди обижались друг на друга достаточно часто, и обида не могла пожаловаться на невнимание к собственной особе.

...Зи Гранкина мчалась по городу, понимая, что лучше ей не останавливаться. За рулем ее внимание было сосредоточено на управлении автомобилем, и можно было не думать ни о чем другом. Если приходилось останавливаться на светофоре, нелепые и тревожные мысли накатывали на Зи Гранкину.

– Тебя надолго не хватит, – говорили тревожные мысли.

– Знаю сама, – огрызнулась Зи.

Телефон, почти как всегда, зазвонил не вовремя.

– Я не могу жить без него, – чирикала подруга Марфа, – Я просто растворилась в нем. И это прекрасно.

– Увы, – подумала Зи, – Прекрасно – это когда ты можешь жить без него, а можешь жить с ним. Тогда у тебя есть выбор. И, если ты выбираешь жить с ним, то только потому, что так ЕЩЕ лучше. А так, как у тебя, моя любимая Марфа, это зависимость, растворение. Получается, можно сказать, просто раствор, в котором ты – всего несколько капелек из суспензии...

Марфа, вряд ли, знала, что такое суспензия, поэтому вслух Зи сказала совсем другое: «Слушай, я за рулем. Не поздно будет перезвонить через полчаса?»

– Ха-ха-ха, – рассмеялись все тридцать минут из полови-

ны часа, – Ты хоть раз позвонила, как обещала?

Марфа точно не знала, что такое суспензия, но зато она хорошо разбиралась в правильном питании и здоровом образе жизни. А еще она знала точно, что на Зи, несмотря на всю ее театральную беспомощность и безалаберность, можно положиться. Даже принимая во внимание тот факт, что Зи была очень сексуальной, и никогда не перезванивала, как обещала. Просто к ней нужно было приспособиться. И понимать, что, когда Зи что-то обещает, она твердо верит, что выполнит свое обещание.

Одним словом, она делает это не со зла...

Но для этого нужно было знать Зи не один день.

– Тогда до завтра? – переспросила Марфа, потому что она знала Зи не один день.

– Ну-ну, – усмехнулось завтра, – посмотрим-посмотрим.

– Надеюсь, завтра ты все еще не сможешь жить без него, – рассмеялась Зи. Как приятно общаться с человеком, который понятия не имеет, что такое суспензия, знает тебя не один день и понимает, что ты не выполняешь обещания не со зла.

– Не знаю, – начала кокетничать Марфа, – завтра будет завтра. Возможно, завтра это будет совсем другая история.

– Ох уж эта Марфа, – подумала другая история, – слишком часто менять истории – это тоже не совсем правильно.

«Почему бы и нет, – подумала Марфа, отключая телефон, – если растворяться в каждой истории, то это, в конце

концов, входит в привычку».

– Зи, милая, где ты? – раздался следующий голос в трубке, – Я сижу здесь в кафе и жду тебя, сгорая от вожделения. Драматург любил такие выражения.

– Милый, давай в наших отношениях безалаберной девочкой все-таки буду я, – ответила Зи и положила трубку.

Вернее, нажала на кнопку.

Если быть совсем точным, то – прикоснулась в нужном месте к сенсорному экрану своего телефона.

Одним словом, прервала связь. Пока что только телефонную, но у Зи были большие планы на будущее.

Одним словом, ответила достойно.

Заплаканное личико Зи стояло перед глазами у драматурга. По крайней мере, Зи на это надеялась. Она в совершенстве владела умением стоять перед глазами у тех, кто мог ее обидеть.

Либретто давало сбой, черт возьми.

«Романы писать легко, – думала Елена, работая над «Гражданским браком» во всех смыслах, даже без кавычек, – Берешь свои мысли и чувства – и раздаешь персонажам.

С персонажами книг ей, действительно, было несложно – они поступали так, как хотела она. И говорили то, что она хотела. Даже выглядели они именно так, как ей было нужно.

В другом смысле гражданский брак не был таким гладким, как текст романа. «Может, пора перестать хотеть чего-то сверх того, что есть?» – думала она.

«То, что есть» радостно закивало головой. «Посмотри внимательнее!!!»

– Простота – не порок, – чирикала Марфа по телефону, помешивая «свежий супчик».

Не-е-ет, это был не просто суп, это был СВЕЖИЙ СУПЧИК!

Свежий супчик осознавал свою значимость в рамках модной кухни Марфы, где сроду не было ничего более существенного, чем кофе и полмандаринки.

Антуанетта точно знала, что если что-то хочешь, то выхода есть, как минимум два: делать что-то, чтобы реализовать свое желание или не делать ничего и страдать от этого.

– Милая моя, – шепнули ей хором здравый смысл и жизненный опыт, практически, хором, – есть еще один путь, о котором ты тоже догадываешься.

– Это то, о чем я думаю? – размышляла Антуанетта.

– Третий путь – просто перестать хотеть. Так тоже бывает, – многоголосие здравого смысла и жизненного опыта уже начинало раздражать Антуанетту.

– Ну уж нет, – возмутилась она, – это самое последнее дело – перестать хотеть. Так можно докатиться до полного безразличия ко всему. Можно согласиться, смириться со всем и заявить себе – я этого не хочу, и у меня этого не будет... Но как тогда жить?

– Вот так и жить, – усталыми голосами заявили поблекшие краски жизни.

Когда Куприянов исчез «с горизонта» в очередной раз, Аня решила, что все, хватит, довольно...

Было бы гораздо приятнее говорить все это вслух, стоя лицом к лицу с Куприяновым, но уж как вышло, так и вышло.

Сказала просто себе...

Этого было, безусловно, недостаточно, для полной гармонии, но сильно помогало в том, чтобы не впасть в отчаяние или тоску.

Вилли был рядом.

Когда Аня взвесила все – сама себе поразилась!

Вилли казался таким мягким, таким покладистым, таким бесконфликтным, таким все сглаживающим...

А на деле...

Именно он по-настоящему, по-мужски, выдержал все ее брошенный трубки, забытые обещания, неполитую юбку на подоконнике, отмененные свидания, капризы и взбалмошность.

А ведь мог (и не раз!) развернуться и уйти... Найти себе хозяйственную жену и жить с ней долго и счастливо... Не нужно было бы ее в театр водить, выслушивать ее жалобы на непонимание, да и на дачу она ездила бы с большим удовольствием...

Выдержал все, одним словом...

В какой-то момент Аня почувствовала, что было бы неплохо быть поближе друг к другу...

Незаметно для нее, Вилли перевез к ней свои отвертки...

Потом – футболочки...

Потом – переехал сам...

Он был таким удобным и милым, этот мирный Вилли. Таким обволакивающим и заботливым. Таким трепетным и заранее все прощающим.

Он никогда не обижался.

Настолько никогда не обижался, что она стала бояться его обидеть. А вдруг он, наконец, обидится?

Он никогда ни в чем не упрекал, только смотрел грустно, если уж она ляпала что-то такое, что совсем не лезло ни в какие ворота...

Нужно сказать, что это случалось нечасто.

Больше всего она боялась начать его жалеть.

Поводов для жалости не было. За исключением того, что он (по всем меркам, если таковые вообще есть) любил ее больше, чем она – его.

Аня тоже его любила. Даже очень.

Но, сомнения, которые грызли ее по любому поводу в любом состоянии и в любом процессе, продолжали грызть и теперь.

Странные это были сомнения.

«Чувствую ли я что-то по отношению к Куприянову»? –

спрашивала себя Аня.

И отвечала себе – нет, не чувствую...

И тут начиналось... А, вдруг, я увижу его и пойму, что именно Куприянов – это именно тот, кто мне нужен?

А вдруг я расстанусь с Вилли, а он будет так сильно страдать, что даже мне будет от этого больно?

А вдруг я выйду замуж за Вилли, а потом мне встретится совершенно другой человек, и я пойму, что чувства к Вилли уже прошли?

А почему я себя об этом спрашиваю?

Наверное, просто потому, что я люблю Вилли недостаточно... Иначе я бы не задавала себе этот вопрос.

– Не дай тебе Бог понять и почувствовать, зачем действительно, нужна любовь близких, – сказала ей старая бабушкина шаль, которую Аня хранила в дальнем отделении шкафа и о которой вспоминала крайне редко.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Аня, перебирая одежду, – Вилли, кажется совершенно все равно, что на мне надето или какая у меня прическа.

– Это совершенно не при чем, – вздохнула шаль, – Я говорю о том, что близкие любят нас безусловной любовью. Мы ее не замечаем. Они – как теплые шали, которые лежат на антресолях. Ты просто знаешь, что они там лежат. Что они есть у тебя. Редко вспоминаешь. Редко уделяешь внимание.

– Ну и? – поторопила Аня.

– А потом может прийти ситуация, когда ты захочешь про-

сто уткнуться носом во что-то теплое и родное. Просто потому, что все другое не будет иметь никакого значения. Деньги. Блеск. Игры.

«Надо подумать над этим, – решила Анна и пообещала себе сделать это в ближайшее время. Когда она обещала что-нибудь (даже себе), она твердо верила, что сдержит слово.

Глава 5. Несчастливая любовь Лилу или «Можно просто сказать, Анна...»

Очарование Зи уже перешло все границы дозволенного. На вечеринке, посвященной актрисе, слегка за 40, которая хорошо знала жизнь, Зи блистала всеми своими оттенками.

Актриса восседала на импровизированном троне таким образом, что вся труппа поневоле была «у ее ног». Главный режиссер примостился на ступеньках «трона», а гости – труппа и работники театра – развлекались как могли.

Каждый занимался своим делом. Зи сверкала всем своим существом, драматург кусал себе локти, осветитель смотрел на Антуанетту голодными глазами, но все равно не понимал, чего стоит «слезинка ребенка»...

Марфа вспоминала что устроил ей любимый после того, как она сходила послушать джаз со своей бывшей одноклассницей. Ее просто переполняло желание во всех красках рассказать кому-нибудь как он...

Он, который не обижался ни на какие ее ляпы, фразы и действия, даже тогда, когда она уже была уверена, что пора... Он, который приготовил романтический ужин с шампанским, шпротами и букетом ромашек, не дождавшись ее в оговоренное время (а именно, в 23.00 и ни минутой позже)

бросил трубку, когда она позвонила ему сообщить о том, что она еще немного задержится...

Любимый не понимал при этом, что одним бросанием трубки он переворачивает все с ног на голову и становится виноватым номер один...

Несмотря на то, что жизнь Марфы нельзя было назвать лишенной ярких событий, рассказ о том, как он – любимый деспот – бросил трубку, и как после этого было заключено перемирие, просто переполнял ее.

По сути, это было даже не событие – не ссора, не скандал, не громкое выяснение отношений – а всего лишь маленькая размолвка.

Но... Это была размолвка с любимым, а, значит, всё имело значение. Марфа предвкушала, как она будет рассказывать об это Зи: что подумал он, что ощутила она, как она почувствовала его страдания и обиду на расстоянии...

И как было хорошо потом, когда она простила ему его страшный грех...

А Зи, роскошно закинув одну длинную ногу на другую, сжимая в ломких пальцах тлеющую сигарету, в романтическом платье с оборками, которое не вязалось с ее роковым образом, с голой спиной – вся просто воплощение порока и страсти – гипнотизировала художника-декоратора, который неожиданно взял микрофон и запел песню «Ты у меня одна... Словно в ночи луна... Словно в степи сосна...»

Драматург поморщился... Это было так далеко от модер-

новых экспериментов сексапильной Зи, что более неподходящую песенку трудно было представить.

А с Зи постепенно с каждым куплетом словно макияж снимали – слой за слоем.

«Ты у меня одна...» – пели ее родители друг другу много лет назад, когда люди только узнали, что такое бард, а маленькая Зи училась в начальной школе...

«Ты у меня одна...» – шептал ей пятнадцатилетний мальчик на дискотеке, с которым Зи-восмиклассница держалась за руки.

«Ты у меня одна...» – эту песенку каждый раз включал у себя на планшете Василий Иванович после размолвки с Еленой, которая ждала от него каких-то слов, сразу переставала дуться, потому что сразу понимала что именно он хотел бы ей сказать, но не находил нужных слов...

«Ты у меня одна...» – говорило зеркало на потолке в спальне Эмилии, предполагая... Хотя... Что тут можно было предполагать? Она была одна в своей спальне, а зеркало на потолке осталось от прошлых хозяев квартиры...

Художник-декоратор пел хорошо.

Не так, как обычно поют актеры, не заботясь об отсутствии голоса и компенсируя эмоциями и мимикой недостатки пения, а как просто человек, который решил спеть песенку для роскошной женщины, которая ему давно и сердито нравилась. И куча народу вокруг (да не просто народу, а людей, которые, в большинстве своем, могли изобразить и ис-

полнить что угодно и где угодно) не мешали ему совершенно.

Он пел для Зи, и все это видели. Незамысловатая песенка каждому напоминала о своем. Даже тем, кто слышал ее в первый раз.

– Артур, вы бесподобны, – выдохнула актриса слегка за сорок, которая, несмотря на внешнюю принципиальность, была вполне добродушной дамой, – Зи, твой ответ?

Зи улыбнулась и кивнула бармену, который что-то настраивал в системе караоке.

Иногда бармен понимал Зи с полуслова. В отличие от режиссера.

Драматург восторгнулся. Ответ непредсказуемой Зи мог прозвучать по-разному.

– Все говорят: он маленького роста... Все говорят: одет он слишком просто... Все говорят... поверь, что этот парень... Тебе не пара... Совсем не пара...

Гости, которые присутствовали на вечеринке, и которым было слегка за 50, слышали эту песенку от своих родителей... А может в детстве... А может на пластинке... Или просто по радио...

Но откуда ее могла знать Зи?

Зи встряхнула рыжей гривой: – А он мне нравится, нравится, нравится... И для меня на свете друга лучше нет...

Драматург уже просто догрызал свои локти. «Мы живем в мире людей, событий, процессов и вещей», – эта фраза ле-

тала в его голове, когда он виде поющую Зи, и он мучительно морщился, стараясь вспомнить: «Но должно быть что-то еще...»

– А он мне нравится, нравится, нравится..., – Зи, спрятав в оборках платья свою супер-современность и «контепморальность» (как говорил драматург, а он уж знал толк в словах и словечках) пела в стиле ранних 60-х...

А, впрочем, о каком стиле и каких 60-х можно было говорить, когда все присутствующие – от талантливых и харизматичных до самых тривиальных и будничных – были под обаянием Зи, которая смотрела прямо в глаза художнику-декоратору и каждое слово было обращено к нему, невзрачному и незаметному среди ярчайших личностей, которыми считали себя все причастные к театральной сцене?

– Ну ты даешь! – обаяние Зи достигало критической массы.

– Да уж, она, действительно, дает!!! – отозвалась критическая масса, – ничто не достигает меня так часто, как очарование этой сумасшедшей Зи. Не знаю, как у нее это получается.

– Да уж, она и до меня доходит, – вставил свои десять копеек «предел», до которого доходила Зи.

– И мне достается, – осторожно сказала «ручка». Все-таки «дойти до ручки» было более грутально, чем «дойти до предела».

– Только я знаю, где и как управляется эта девушка, –

гордо дал понять тумблер переключения скоростей в голове у Зи.

– Она неуправляема! – хором воскликнули правила хорошего поведения, штампы и стереотипы, – Она все ломает!

«Она все ломает», – мысленно повторил драматург, продолжая кусать локти от того, что Зи смотрела в глаза художнику-декоратору и напевала «а он мне нравится...»

Драматург знал, что Зи может изобразить все что угодно, но в данном случае она пела совершенно искренне, и ему ничего не оставалось делать, кроме как ерзать от подступившей досады.

– Интересное прочтение, – протянул неглавный режиссер, когда стих шум оваций.

«Фразой „интересное прочтение“ можно потушить любой огонь,» – тихо прошумели овации в голове у художника-декоратора. – «Если бы неглавный режиссер не был таким занудой, возможно, у него и были бы какие-то шансы...»

– Мы есть, мы есть, – пискнули шансы, – Мы постоянно подаем знаки всем, только не все нас видят. А уж пользуются – вообще, единицы!

– Я позволю себе не согласиться с Шекспиром, – не сказал, а произнес неглавный режиссер, – Прости, старина Уильям!

– Ничего себе! Ого! – подумал Шекспир, наблюдая за разговором с высоты своего портрета на стене.

– Даже я трепещу от того, что ОН – здесь, – размышляла

стена, – а этот неглавный режиссер... Мягко говоря, смелое заявление...

– Свергаете кумиров с пьедестала? – проговорил пожилой характерный актер, снисходительно похлопывая по плечу неглавного режиссера, – И в чем же вы не согласны, позвольте спросить?

«Мальчик мой, вы хотите быть заметным? – мысленно спросила актриса «слегка за 40». И, поскольку она сама не знала, к кому обращен ее вопрос – возможно даже ко всем старым и молодым мальчикам, которые были в ее жизни, она мысленно добавила: «Шекспир от этого не перестанет быть Шекспиром»

– Так вот..., – неглавный режиссер был слегка пьян, но не настолько, чтобы не донести до публики свою мысль, – Жизнь – не театр, и люди в нем – не актеры... Это театр есть жизнь! А актеры – люди!

– На грани просветленности... – прошептала Лилу, которая буквально час назад сняла костюм гимназистки 20-х годов, но из образа еще не вышла. Лилу всегда так долго выходила из образа, что иногда думала, а нужно ли в него входить. Причем, это касалось не только ролей на сцене.

Неглавный режиссер стал в позу, но этого никто не заметил. Он решил, что теперь будет делать вид, что обиделся, хотя в глазах Лилу отчетливо читался вопрос: «А где вы будете делать вид?»

Просветленность, у которой, по определению, не могло

быть граней, опять не нахлынула на Лилу... Несчастливая любовь, одним словом.

Любовь Лилу была поистине несчастной. Если бы не сцена, где она время от времени могла выразить себя полностью, то было бы совсем печально. А так (Лилу была занята всего в нескольких постановках, да и то – на второстепенных ролях) был шанс, которым Лилу бессовестно пользовалась каждый раз.

Гимназистка, которая, в принципе, должна была бросать бумажные шарики в своих подруг и по ходу пьесы говорила всего две фразы: «девочки, тише, идет классная дама» и «девочки, пойдемте на каток»..., так вот эта гимназистка такими глазами смотрела на «учителя латыни», что он начинал ерзать на своем учительском стуле еще до того, как «девочки» (по сценарию) подкладывали ему на стул кнопку.

«Учитель латыни» играл эту роль уже несколько лет, но поневоле начал переставлять акценты с тех пор, как на роль одной из его учениц взяли Лилу.

Сцена, которая много повидала на своем веку, не выдерживала силы несчастной любви Лилу. А что ей оставалось делать, если он настойчиво не замечал знаков и посылов? Сцена готова была возгореться, а Лилу ничего не могла с собой поделать.

В одном из детских спектаклей Лилу играла зайчонка и, нужно сказать, эта роль великолепно подходила ей – т.к. она была милой, застенчивой и с мягкими ушками – зайчик

по жизни, одним словом. Но на сцене энергетика Лилу буквально сбивала с ног четырех медвежат и трех слонят, которые были задействованы в том же спектакле.

– Ну не давать же ей роль львицы, – думал неглавный режиссер, – с такими невинными глазками и детским голосом.

Иногда он умел понять актрису. Особенно, если она страдала от несчастной любви.

«Бог один, но в каждом приходе люди придумали свои правила, – шевельнулась несчастная любовь в голове у Лилу, – Ведь именно с этого все начиналось... И, самое печальное, что Бог был здесь вроде бы и не при чем... Правила придумывали люди. И они же их внедряли.

«Внедрить» ... какое земное обыденное слово... Как будто отверткой по железу скребется кто-то. Вот почему никогда нельзя внедрять солнечных зайчиков, блики на воде, легкое влечение друг к другу, светлую печаль... Нельзя топтаться ногами по аленьким цветочкам...»

Аленькие цветочки, такие, как Лилу, закивали своими воображаемыми головками, – Нельзя, нельзя топтаться по нашим нежным лепесткам... Их просто не будет... Они возникают ниоткуда и улетают в никуда... Как бы пафосно или слащаво это ни звучало...

Несчастливая любовь Лилу тоже кивала головой. Она хорошо помнила, как все начиналось... Если бы тогда, несколько лет назад, две вполне благополучных семьи сумели сказать себе – А давайте будем соблюдать правила приличия не толь-

ко за столом или выходя из автобуса. Давайте будем соблюдать правила приличия и по отношению к этим двум существам, которые влюбились друг в друга и хотят быть вместе. Они же очень хорошие. Каждый из них. Давайте сделаем так, чтобы они и вместе были очень хорошими! Давайте хотя бы им не мешать?..

Если бы две вполне благополучных семьи могли себе так сказать и хотя бы не вмешиваться в жизнь этой парочки – Лилу и Николеньки – возможно, сейчас мы не говорили бы о несчастной любви...

Не факт, конечно, что все сложилось бы так, как пишут в романах или на полотнах...

Но... Тогда бы они пришли к этому сами... И могли бы сказать – так сложилось...

Они были такими хорошими...

Если ты заводишь роман с блестящим мужчиной, будь готова к турбулентности...

Аня была вполне готова.

Но... во время романа с Вилли турбулентности не было. И... как ни странно было в этом признаться, именно этого не хватало, как будто бы...

Все было хорошо, но игр все-таки не хватало.

Аня и сама не могла понять, что не так.

Однажды она, в припадке обострения своего глубокомыслия, сказала:

– Знаешь, если человеку чего-то не хватает в жизни, он может действовать разными способами. Кто-то пытается сразу восполнить эту пустоту, а кто-то пытается смириться. Я о последних.

Если ты пытаешься смириться, то, пустота так и остается пустотой. А потом ...вдруг тебе случайно попадается то, чем ты ее можешь заполнить. Как правило, оно находится совсем не там, где оно должно было быть. И тогда ты начинаешь думать, что делать. Заполнять тем, другим или продолжать смиряться.

Они лежали с Вилли на пляже, нос к носу, и более неподходящей темы трудно было себе представить. Вилли, как обычно, многословием не отличался.

– А можно, Аня, просто сказать, чего не хватает. Это не всегда видно. Это можно просто сказать...

«Да, для того, чтобы кто-то принял твои условия, нужно, чтобы ты их выставил. Условия, я имею в виду... – думала Аня, – но не все же скажешь словами. Тем более, разложишь по пунктам...»

Но, тем не менее, это запомнилось...

Можно ведь просто сказать, Аня...

– Хочешь мороженого? – спросил Вилли, целуя ее в голое плечо.

«Читай так, – грустно подумала она, – Чего ты еще, Аня,

хочешь... Только не начинай...»

Когда она начинала «дуться» на него, у Вилли сразу же делалось грустное лицо и печальный взгляд, который говорил «нужно потерпеть, это пройдет».

Иногда он включал песню «Ты у меня одна», и она быстро прощала его.

Нельзя сказать, что Аня так уж хотела громко выяснять отношения, но турбулентности, однозначно, не хватало.

– Хочу мохито, – сказала она.

Причин для размолвки не было.

Вилли пошел за мохито, а Аня достала зеркальце. Нос, однозначно, сгорел, да и макияж после плавания можно было бы «подправить».

Можно было подправить, а можно было оставить, как есть.

Это, как будто бы ничего не меняло.

«Причем тут макияж? – думала Аня.

«Все взаимосвязано», – умничал размазанный макияж...

Успешная самодостаточная женщина имеет право выглядеть так, как она хочет – небрежно, немодно, неактуально, нестильно...

Это ее право.

Другой вопрос – когда женщина начинает УЧИТЬ других тому, как стать успешной и реализовать себя, и приводит себя в пример. Хотите быть такой, как я? Следуйте тому, чему я вас учу.

И тогда картинка, которая предстает перед взором «благодарных учеников», должна все-таки хоть немного соответствовать общепринятому представлению об успешности и благополучии женщины...

Иначе, глядя на «классную даму», некоторые ученики могут, мягко говоря, пожать плечами.

Работать над собой? Преодолевать преграды?

Быть лидером и искать именно свое поприще?

Осознавать неосознанное и выходить из зоны комфорта?

Делать все это, для того, чтобы выглядеть так, как ты?

Быть такой как ты?...»

«Что за ерунда! – мысленно возмутилась Анна, – Я всего лишь посмотрела в зеркальце и задумалась, нужно ли припудриться, а на меня набрасываются, как будто я кого-то чему-то учу!»

– А ты не видишь связи? – гримасничала самодостаточность дуэтом с макияжем, – Не учишь, да? Ты просто завела речь о том, как будешь восполнять пустоту?

Ты ничего не имела в виду?

Просто так говорила?

Аня, где у тебя тумблер переключения скоростей?

– А не нужно делать так, чтобы пустота была! – огрызнулась Аня.

– Так тебе же ответили: просто скажи, Аня. Он готов заполнить.

– А у него есть – чем заполнять?

– А ты сама знаешь – чем?

– Я-то знаю!!! А вот он...

– А знаешь – так скажи... Человек не виноват, что ты не можешь разобраться в себе...

– Нет виноват! Если он пришел в мою жизнь, значит виноват!

Ох, Аня, Аня...

– Знаешь, чего мне не хватает? – спросила она, когда он принес ее мохито, – Думаю, турбулентности...

– Тряски? Бури? Беспорядочности? – переспросил Вилли.

– Нет... Это не совсем то, что я имею в виду... Нужно сформулировать...

Вилли улыбнулся.

– Я пойду окунусь, а ты пока сформулируй.

– ОК, – кивнула Аня.

«Опять ушел от проблемы. От конфликта. От разговора...» – подумала она.

– А ты как хотела? – зеркальце в руках продолжало ловить и выпускать «зайчиков».

«А хрен его знает, как я хотела, – подумала Аня, спускаясь к воде, – Разобраться бы самой...»

«Ничего-ничего, – отозвался мейкап, – пойдешь еще почитай чего-нибудь, послушай историй страшненьких, классику полистай, пострадай немного... Иначе, где же еще ты будешь „подпитываться“ в своем убеждении, что у тебя в жизни все „не так“?»

Вилли ждал ее в воде. И ее макияж был совершенно не при чем.

Глава 6. О чем шептались правила приличия или Почему второе «Я» вздыхало тяжело

– Она такая хорошая! – голос со сцены звучал, практически шепотом, но задние ряды партнера все хорошо слышали.

– Она слишком хорошая для него, – думала семья Лилу, знакомясь с женихом. И не просто думала, но и говорила об этом Лилу.

– Он – такой хороший, – думала семья Николеньки, увидев Лилу...

«Достаточно ли она хороша для него?» – спрашивали они друг друга, зная, что это абсолютно риторический вопрос. Они не ждали ответа.

Те, кто говорил «конечно, она просто прекрасна», не были услышаны... А те, кто говорил «да, он – лучше...», и так были согласны...

– Причем тут я, когда речь идет о любви? – восклицало сравнение, – Что тут можно сравнивать?

Но его никто не слышал.

Вилка, которая случайно упала со стола из рук Лилу, становилась не вилок, а знаком судьбы. «Она не умеет вести себя за столом!»

– Да неужели? – думала даже та злосчастная вилка, – Вы

никогда ничего не роняли? Зачем же сразу так пожимать губы?

– Я тоже была вовлечена в этот «страшный» конфликт, – думала розовая чашка, храня тепло чая для Лилу, – только с другой стороны. Родственники Лилу постоянно намекали ей «он хоть раз помыл за собой чашку?» Речь шла не конкретно обо мне... Имелась в виду некая абстрактная чашка, которая никогда не была помыта Николенькой. С таким же успехом они могли бы говорить о тарелках или вилках с ложками... Дело не менялось от этого...

Они были такими хорошими... Такими домашними детьми... Такими беспроblemными... Даже в подростковом возрасте...

Они никогда не протестовали... И у нее, и у него были очень умные мамы...

«Да-да-да, – подхватили все умные мамы большого города и его окрестностей, – Мы – умные. Мы знаем, как лучше... Мы плохого не посоветуем... Мы все готовы отдать нашим детям... Мы любим их, а они любят нас...»

– Все несчастья случаются от большой любви, – проговорил суфлер в своей будке. В оригинале эта фраза звучала как-то по-другому, но суть оставалась неизменной.

«Он слишком любил свою маму, и не мог проигнорировать мамины слова о поведении за столом», – задумался стол, за которым после Лилу сидело много девушек в гостях у родителей Николеньки, и некоторые из них тоже роняли вилки,

но Николенька уже не принимал это так близко к сердцу...

«Она слишком любила свою маму, и не могла доказать ей, что ей и самой было не трудно помыть все чашки», – думал другой стол в другой квартире... За этим, другим столом, увы, было не много претендентов на сердце Лилу...

Точнее, совсем немного...

Если быть совсем точным, то их не было ни одного...

Лилу холила и лелеяла свою несчастную любовь к Николеньке и не представляла, что кто-то другой не будет мыть чашки на ее маленькой кухне...

Николенька женился на женщине, которая не смущалась, когда «роняла вилку», родил сына, развелся и теперь его умная мама по-умному выстраивала его отношения с ребенком и бывшей женой.

«А мы-то в чем виноваты? – размышляли все вилки, чашки, заодно с тарелками и даже кастрюлями на обеих кухнях, – Ведь и у него и у нее были такие умные мамы...»

– Они просто слишком любили своих мам, – поясняла несчастная любовь, – И с этим ничего нельзя было поделаться...

Просто...

Просто у кого-то однажды не хватило капельки деликатности...

А у кого-то – щепотки такта.

А у кого-то – трех секунд молчания.

А у кого-то – одного слова в нужную минуту.

«Вот-вот, – вторили правила приличия, – Почему-то с чужими людьми мы более тщательно соблюдаем правила. Мы не знаем, что именно может обидеть чужого человека, и поэтому соблюдаем деликатность. Но... Это парадоксально, но это – факт. Мы знаем, что может обидеть близкого человека, и обижаем его. Где же логика?

– Если использовать логику в отношениях между людьми, то не останется ни логики, ни отношений, – резюмировала несчастная любовь Лилу. – Впрочем, иногда и это не помогает.

«Сплошные противоречия, – пробурчал Клим Пятеркин, глядя на печальную Лилу, – детские губы, девичье лицо, глаза как у ангела... С ней нужно было бы обращаться как с хрустальной вазой»

Воспоминания Клим привели его в тот вечер, когда он напросился в гости к Лилу, рассчитывая, что останется до утра.

Так и вышло. Он остался до утра.

Остался до утра, чтобы слушать рассказы Лилу о ее несчастной любви к Николеньке. И – сгорая от женской энергетики Лилу, облаченной в форму аленького цветочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.